

Е.С. СИНЕНКО
(Донецк)

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЯЕМОСТИ ЭККЛЕЗИОНИМОВ

УДК 81' 372.2(161.1):93

Синенко Е.С. Об исторической изменяемости экклезионимов; 8с.;
количество библиографических источников – 13, язык русский.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования экклезионимной системы русского языка. На материале названий монастырей анализируются изменения, которые произошли в русской экклезионимии с XI по XVIII вв.

Ключевые слова: экклезионим, отапеллятивный экклезионим, оттопонимный экклезионим, сложный экклезионим.

Resume. The peculiarities of formation of Russian ecclesionyms are studied in this article. Some changes in Russian ecclesionymic system (from the XI to the XVIIIth centuries) are analyzed on the basis of proper names of monasteries.

Key words: ecclesionym, ecclesionym formed from an appellative, ecclesionym formed from a toponym, compound ecclesionym.

По происхождению экклезионимы можно разделить на пять групп: *отагионимные, отхрононимные, отартионимные, отапеллятивные и оттопонимные*. Отапеллятивные, оттопонимные, а также экклезионимы по имени основателя являются дополнительными наименованиями монастырей. Они употребляются в большинстве случаев в сочетании с официальным именем (в честь святого, праздника или иконы) церковного объекта. По форме это адъективы или же предложно-падежные словосочетания.

Отапеллятивные экклезионимы в русской экклезионимии составляют немногочисленную группу. По грамматической форме отапеллятивные экклезионимы – адъективы: Печерский монастырь [ЛЛ, 159], Княгининъ [МЛС, 152], Отрочій [РЛ, 70], Дѣвичъ [ВлЛ, 98], Отня пустынь [НЛ-12, 125]. Будучи апеллятивами, словосочетания *печеръскіи монастырь, княгининъ монастырь, отня пустынь, дѣвичъ монастырь, отрочій монастырь* могли относиться к нескольким монастырям и обозначали место жилища монахов (печеръскіи), указывали на состав обитателей монастыря (дѣвичъ, отрочій), давали информацию о создателе обители (княгининъ, отня, т.е. отцовская). В одних случаях апеллятивы онимизировались и стали названиями одного монастыря, а в других – нескольких. Так, *отним* называли *Киевский Федоровский* (ѹг стго Феѡдора въ ѡтни ему манастыри [ИпЛ, 190]), *Киевский Кирилловский* (во стмъ Кюрилѣ во ѡтнѣ емоу манастырѣ [ИпЛ,

235]) и *Новгородский Покровский* (въ Отнѣ пустыни [ЛА, 198]) монастыри, однако апеллятив *отня*, перейдя в разряд экклезионимов, стал наименованием только *Покровского монастыря*. И, наоборот, название *Печерский* стало обозначением сразу нескольких монастырей: *Киевского, Нижегородского* (въ Печерскомъ манастирѣ...въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ [НЛ-11, 83]) и *Псковского* (въ Псковѣ въ Печерской монастырь [НЛ-13, 149]).

В составе экклезионимов Новодевичий и Новоспасский присутствует элемент *нов-*, который восходит к уточняющему определению *новый*: “поставиша новъ монастырь дѣвичь” [НЛ-13, 115], “у Спаса у Нового” [НЛ-13, 396] (ср.: “в монастыри на Новомъ” [НЛ-12, 245]). Уточнение *новъ* при апеллятиве *дѣвичь* указывало, что новопоставленная обитель принадлежит к тому же типу (по составу жилиц и по церковной градации), но является монастырём иного посвящения (*дѣвичь* – в честь Смоленской иконы Божьей Матери), нежели уже существующие московские “*дѣвический монастырь Христова Вънесенія*” [НЛ-13, 39] и “*дѣвичь монастырь, что за Черторьемъ*” [НЛ-13, 18] (Алексеевский-Зачатьевский). Экклезионим Новодевичь монастырь [А-НЛ, 156] впервые встречается под 1549 г., а под 1611 – Новодевичьей [МЛ, 155]; в большинстве же случаев обитель именуется Новой Дѣвичьей (Дѣвичь) монастырь (см. НЛ, МЛ, А-НЛ, ЛебЛ). Уточняющий элемент *новый* (чаще – *на Новомъ*) при экклезиониме *Спас* имел иное значение. Он указывал на новое, в отличие от старого, место расположения обители того же посвящения (*Спасский монастырь*, располагавшийся в Кремле, был перенесен в 1462 г. на Крутицы). По аналогии уже существовавший монастырь мог получить уточнение *старый*, т.е. старший над другими монастырями такого же посвящения, например: въ монастыри святаго Николы Старого [НЛ-11, 190].

Начиная с первых летописей, при сообщении о каком-либо монастыре указывается его месторасположение. Название местности входит в экклезионим в виде предложно-падежного словосочетания, далее именуемого топонимическим компонентом (ТК). Если это городской монастырь, то сообщается, в каком районе, месте города (позднее – на какой улице) он расположен или возле какого внутригородского (природного или созданного человеком) объекта: “в манастирѣ Въсеволожи на Выдобычи” [ИпЛ, 164], “манастырь святаго Ніколы конецъ Чюдинцевѣ оулицы” [НЧЛ, 367], “в манастирь къ сто Семену еже есть в Копыревѣ конци” [ИпЛ, 185], “въ монастыри у Покрова в садѣх” [ИЛ, 118], “в манастирѣ святаго Иоана предтечи под Боромъ” [МЛС, 241]. Если же это негородской монастырь, то чаще всего называется река или гора, на которой построена обитель: “в монастырь святаго Въскресенія на Деревяніцю” [НЧЛ, 348], “манастырь на

Кержачи во имя пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Благовѣщеніа” [НЛ-11, 140], “манаstryь стоѣ Бѣ на Болдинахъ горахъ” [ИпЛ, 185], “у Пречистые на Сторожехъ” [НЛ-12, 15], “во обители пречистеи Рожества на Лисы гори” [НАЛ, 194]. В подобной двучленной структуре посвящение монастыря нередко опускается. Характерным примером может служить конструкция, в которой при обобщающем слове *манаstryь* приведено несколько ТК, например: “пожгла около города манаstryревъ 24:...на Волотовѣ, на Ковалевѣ...на Ситискѣ, на Ляткѣ, в Нередицахъ, на Сковороткѣ, въ Щиловѣ” [НЧЛ, 346]. В отдельных случаях название местности трансонимизируется и переходит в разряд экклезионимов без каких-либо формальных изменений. Один из первых случаев такого перехода наблюдаем в Ипатьевской летописи: “прише в домъ архистратига Михаила рекомыи Выдобичь” [ИпЛ, 270]. Ср.: “сойде...на Деревяницю” [ТЛ, 132], “иде на Колмицу” [МЛС, 170], “послаша на Возмища” [ТЛ, 222], “сниде въ келию на Симаново” [ТЛ, 221], “въ монастыри его, глаголемомъ Солотчша” [НЛ-11, 188].

В первой половине XV в. появляются первые оттопонимные адъективные экклезионимы. Примеры из Новгородской четвертой летописи: “в монастыри Деревянічкомъ” [367], “манаstryя Лисицкого” [410], “в Росткинѣ манаstryи” [399], “Клопъского манаstryя” [605]. Приведенные оттопонимные названия используются в данной летописи лишь один раз, преобладают же именные экклезионимы, в состав которых входит ТК. К XVI веку оттопонимные адъективные экклезионимы получают уже достаточно широкое распространение, а для негородских монастырей во многих случаях становятся регулярно используемыми именами: Селижарова манаstryя [НЛ-13, 250], Симановскаго манаstryя [НЛ-13, 503], Вяжицкого манаstryя [НЛ-14, 121], манаstryь Колоческий [МЛ, 100], Валамский [МЛ, 129], Сійскій [НЛ-14, 53], Солочинский [МЛ, 140] и др.

Особо следует выделить экклезионимы, образованные от имени создателя обители. Первые опыты именования монастыря в честь его основателя относятся к концу XI – началу XII веков. В это же время возникают два направления в назывании монастырей – по мирскому имени создателя и по иноческому. Сперва этот способ номинации не получает широкого распространения. Ранние летописи (ЛЛ, СЛ, ИпЛ) отмечают пять таких названий, но лишь как один из вариантов названия монастыря.

Одни из первых наименований по имени создателя относятся к княжеским монастырям и носят имена представителей княжеских родов. В 1070 г. впервые упоминается о “манаstryѣ Всеволожи” [ЛЛ, 174]. Из женских монастырей, принадлежавших княжеским семьям, известен Янчин

(Янчин) монастырь: “заложи црквъ стго Андрѣя...створи ѿ цркви то” монастырь в нем же постриже дци его дѣвою именемъ Янѧка” [ИпЛ, 76], въ Янчино монастыри [СЛ, 362], въ Янчинѣ монастыри [ИпЛ, 112]. К этому же периоду относятся и первые наименования в честь игуменов: Феодосия Печерского: “цркви ...манастирѧ Оещдосыка” [ЛЛ, 207], Стефана (игумена Богородицкого монастыря на Клове) и Германа (игумена монастыря святого Спаса на Берестове): “пожоша манастырь Стефанечь...и Германечь” [ИпЛ, 222].

Вслед за Киевом обычай называть монастырь по имени основателя получает распространение в Новгороде: Онтоновъ монастырь [НПЛ, 229], Аркажъ [НПЛ, 39], Моисеевъ [НПЛ, 368]. После XIV века экклезионимы, образованные от имени создателя, становятся распространенным. Чаще подобные названия возникают при обозначении внегородских монастырей и становятся, как правило, основным именем обители: Кириловъ [МЛС, 268], Осифовъ [НЛ-13, 127], Пафнутиев [А-НЛ, 145], Савинъ [НЧЛ, 417], Александрова пустыня [НЧЛ, 615] и др. Есть среди них и несколько названий городских монастырей, например: Андрониковъ [МЛС, 308], Ефимьевъ [МЛС, 323].

По форме большая часть экклезионимов, образованных от имени создателя монастыря, – краткие адъективы. Однако с начала XVI века в летописях можно встретить, правда, в незначительном количестве, полные формы адъективов по имени создателя, образованные от кратких: Ондрониковскаго монастыря [ИЛ, 199], “у Воркажскаго...у Онтоновскаго” [НАЛ, 181], Осифовсково монастыря [НЛ-13, 347]. Созданные позднее, в конце XVI – XVII вв., монастыри получают полный адъективный экклезионим, образованный по имени основателя: Лаврентьевской монастырь [НЛ-14, 142], в Варсunoфьевском монастыре [МЛ, 151], Алексеевского монастыря [НЛ-13, 395]. К началу XVI в. наблюдаем также распространение именных форм экклезионимов по имени основателя: “во обители преподобного чудотворца Сергія” [НЛ-13, 273], “у старца у Осифа в манастири” [ТЛ, 217], “къ Кирилу чудотворцу” [НЛ-13, 217], “у чудотворцов Зосимы и Саватея во обители” [МЛ, 148], “къ Якову на Желїзной Борокѣ” [НЛ-14, 59].

Таким образом, к XVIII в. монастырь мог иметь от двух до четырех (без учета вариантов) названий: 1) официальное имя (в честь святого, праздника, иконы); 2) оттопонимное (по названию местности около монастыря); 3) по имени основателя обители; 4) редко – отапеллятивное имя. В большинстве случаев сосуществование названий одного монастыря приводит к объединению их в один *сложный экклезионим*. Можно говорить о нескольких типах соединения имен.

1. В состав сложного экклезионима входят одинаковые по форме названия: а) *адъектив + адъектив*: Федосеева манастир^а Печерского [ИпЛ, 220], Николского монастыря Островского [НАЛ, 174], Спасского монастыря Хутынского [НАЛ, 159], из Троицкого Астраханского монастыря [ЛСПЗ, 212]; б) *субстантив + субстантив*: в дом^у святого Спаса преподобного Варлама [ЛА, 201], в обитель живоначальные Троица и Сергия чудотворца [А-НЛ, 211], ко Всемилостивому Спасу и чудотворцу Еуфимию [НЛ-14, 122].

2. В структуре сложного имени отагионимный или отхрононимный именной экклезионим объединяется с адъективным отапеллятивным или оттопонимным экклезионимом: близь Введенія митрополича манастиря Новинського [НЛ-13, 131], во Древняницкомъ манастири святаго Воскресенія [НЧЛ, 416], живоначальные Троици Клобского монастыря [НАЛ, 155]. Отметим также конструкцию, в которой именной экклезионим, указывающий на посвящение монастыря, с помощью предлогов *къ* или *у* присоединяется к адъективному: *къ Живоначалной Троици въ Сергіевъ монастырь* [НЛ-13, 66], *къ пречистои в Осифов монастырь* [ЛНЦ, 9], *въ Колязинѣ монастырѣ у Макарія чудотворца* [НЛ-13, 232], *у Пречистые Одигитрия в Новом девиче монастырѣ* [А-НЛ, 334].

3. Сложный экклезионим как результат *унификации*, т.е. приведения элементов экклезионима к одной форме. Как правило, главный компонент экклезионима – имя святого, в чью честь именован монастырь, второй – оттопонимный, согласовывающийся с главным: “приде подъ *Николу Угрешсково*” [НЛ-14, 93], “игромена стго *Михаила Выдобычского*” [ИпЛ, 242] (Ср. монастырь святого *Николы Угрешский*, монастырь святого *Михаила Выдобычский*).

Литература

1. Лаврентьевская летопись и Сузdalская летопись по Академическому списку. (ПСРЛ. Том I). – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – 580с. – ЛЛ, СЛ.
2. Ипатьевская летопись. (ПСРЛ. Том II). – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 938с. – ИпЛ.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. (ПСРЛ. Том III). – М.-Л.: Академия наук СССР, 1950. – 640с. – НПЛ.
4. Новгородская четвертая летопись. (ПСРЛ. Том IV. Часть I.). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 728с. – НЧЛ.
5. Летопись по Воскресенскому списку. (ПСРЛ. Том VII, VIII). – М.: Языки русской культуры, 2001. – ВЛ.
6. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. (ПСРЛ. Том IX-XIV). – М.: Языки русской культуры, 2000. – НЛ.

Розділ 1. ТЕОРЕТИЧНА
ТА ПРИКЛАДНА ОНОМАСТИКА

7. Рогожский летописец. Тверская летопись. (ПСРЛ. Том XV). – М.: Академия наук СССР, 1965. – РЛ, ТЛ.
8. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. (ПСРЛ. Том XVI). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 240с. – ЛА.
9. Московский летописный свод конца XV века. (ПСРЛ. Том XXV). – М.-Л.: Академия наук СССР, 1949. – 464с. – МЛС.
10. Типографская летопись. (ПСРЛ. Том XXIV). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288с. – ТипЛ.
11. Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. (ПСРЛ. Том XXIX). – М.: Наука, 1965. – ЛНЦ, А-НЛ, ЛебЛ.
12. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. (ПСРЛ. Том XXX) – М.: Наука, 1965. – 240с. – ВлЛ, НАЛ.
13. Летописцы последней четверти XVII века (Мазуринский летописец, Летописец 1619 – 1691 гг., Летописное сказание Петра Золотарева). (ПСРЛ. Том XXXI). – М.: Наука, 1968. – МЛ, ЛСПЗ.